

Равиль Валиев

**Маршрут
без
остановок**

Равиль Валиев

Маршрут без остановок

«Автор»

2026

Валиев Р.

Маршрут без остановок / Р. Валиев — «Автор», 2026

В преддверии Олимпиады Москву «зачищают» от асоциальных элементов — их массово выселяют за 101 й км. В беспокойном городе Александрове, одна за другой исчезают молодые женщины, и слухи об экспериментах и похищениях будоражат город. Расследование поручают опытной бригаде во главе со следователем по особо важным делам капитаном Юрьевым; вместе с ним в Александров едет оперативник Борис Самохин. Шаг за шагом милиционеры вскрывают масштабную преступную схему, выходящую далеко за пределы одного района и связывающую криминальный мир, систему здравоохранения и теневые межрегиональные связи. Параллельные линии расследования в Александрове и Ташкенте приводят к крупной операции с участием КГБ и пограничников. Финал ставит точку в деле о похищениях, но оставляет горький осадок: главный организатор почти успевает унести свою тайну с собой. Повесть показывает будни советской милиции без пафоса — через напряжённую работу, моральные дилеммы и цену, которую приходится платить за раскрытие правды.

© Валиев Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Равиль Валиев

Маршрут без остановок

Пролог

*«Каждый – сам себе суд и царь, только жалкие,
мелкие крохи –
Не они ль разобили когда-то сплочённый народ?
Не исправитесь вы, потеряв волю, власть – вот эпоха!
Коль родня – не родня уже, жалок потерянный род»
(Абай Кунанбаев. «О, казахи мои, многочисленный народ»)*

Баран смотрел на него своими влажными глазами. Спокойно и безропотно, только поблескивали в их глубине невыплаканные слезы. Талгат вздохнул и в очередной раз поразился этому странному свойству животного.

Вот ведь напасть - измучаешься, пока выдержишь его из стада, да пока доволочешь за двор. Брыкается, орет, а то и норовит вцепиться желтыми зубами в руку.

Но стоит завалить его, прижать ноги, тотчас, словно выключателем щелкнули – успокаивается, только мелко дрожит. Наверное, чувствует свой конец?

Сколько десятков лет прошло уже, как бабушка вложила ему в руку нож и сказала: «- иди, бала, сделай это как мужчина!», а он до сих пор не мог принять эту проклятую обязанность. Сердце разрывалось.

Он много раз клялся – не делать этого, но куда там... Старший сын, надежда и опора. Единственное, чему он научился за эти годы - не причинять животному лишней боли. Слабое утешение, но все же....

«**Бисмилляхи Рахмани Рахим**». Остро заточенный нож двумя точными движениями прекратил земной путь барашка. Несколько хриплых вздохов и тело обмякло, напрягшись в последнем усилии.

Младший сын, Кайрат, глупо и нервно засмеялся. Четырнадцатилетний подросток, впервые допущенный к процедуре, держал обе задние ноги барана. Ему все это было интересно. Такой возраст, когда смерть другого существа кажется продолжением игры... Старший сын, Ойрот, названный так в честь дальних родственников из Алтая, внимательно смотрел на отца, не отпуская передние конечности животного.

Талгат кивнул ему. Двадцать лет – тот возраст, когда он уже сам должен это делать. По крайней мере, была надежда, что следующее животное будет убивать сын. А он устал от этого...

Резкий запах крови и бараньей шерсти ударил в нос.

Талгат выпрямился, вытер окровавленный нож об специально припасенную тряпицу.

- Улым, закончи здесь, хорошо? – он снял старый халат и повесил его на ветку такой же престарелой сливы, под которой обычно и происходила экзекуция.

Протянул сыну нож рукояткой вперед. Вот теперь всё - мальчишка, слава Аллаху, разделает барана сам. Умеет уже.

Не глядя на мелко подрагивающую тушу, перешагнул через растекающуюся по пожухлой траве кровь и вышел во двор. Встал у угла сарая и облокотился на побеленную стену. Осмотрелся.

Солнце на западе уже коснулось снежных шапок окружающих гор, окрашивая их в нежный морковный оттенок. Еще несколько десятков минут и оно, покраснев и сплюснись, нырнет за хребты Западного Тянь-Шаня. «Божественные горы» по-китайски, а по-тюркски – «Тенир-Нишан», Место Бога неба...

Скот уже пригнали, и почти все семьи села были заняты одним делом – приготовлением ужина и мелкими хозяйственными заботами.

В кустах малины заполошенно кудахтали куры, под яблоней сердито клекотал индюк, неистово жужжали мухи... Обычный летний вечер.

У соседей настойчиво бубнил репродуктор – бодрый голос диктора перечислял медали, завоёванные советскими спортсменами на Олимпиаде. Москва гремела, весь Союз гремел, а здесь, в селе, жизнь текла как река в низовьях — медленно, ровно, по устоявшемуся руслу.

Талгат втянул родной запах горящего кизяка и непроизвольно сглотнул мгновенно выделившуюся слюну. Скоро ужин.

Мама уже колдовала у костерка, прилаживая между углями сложенные вместе чугунные сковородки. Тапанча готовилась только так – в открытом огне. Румяная, воздушная лепешка, словно степное солнышко грела любую кочевую душу.

Невестка, таджичка Айгюль, перемешивала в казане куски внутренностей барана, которые ей принес довольный Кайрат. Будет куырдак, обильный и жирный...

Детишки, суетливо резвящиеся на утрамбованном дворе, периодически подкрадывались к столу, где дочка нарезала овощи, таская куски морковки и редьки.

Это был его мир, где он чувствовал себя настолько комфортно, насколько позволял его беспокойный характер.

Он, наконец, оторвался от стены и, попутно успев погладить пару взъерошенных детских головешек, подошел к сидящему на низкой скамейке у стены дома, отцу.

Вгляделся в задернутые пеленой катаракты глаза, почти скрытые под длинными и все еще густыми бровями. Восемьдесят восемь лет, один из старейших аксакалов района. Герой труда.

- Управился? – отец почувствовал его присутствие. Отложил в сторону «Правду» с вездесущим олимпийским мишкой и протянул костлявую руку, сплошь покрытую старческим пигментом, – садись, сынок.

Талгат осторожно присел, убрав со скамейки полу отцовского ватного халата. Попутно удивился – вот не видит же ничего, а газету ежедневно требует. Сидит и ощупывает беспокойными пальцами, словно пытается понять – что там.

Он хмыкнул и положил руку поверх кистей отца, лежащих на навершии самодельного посоха. Уж сколько раз он принимал его по спине, заработав наказание – и не счесть...

- Рахмат, ата...

Посидели несколько минут молча. За столько лет сказано уже все, что можно, поэтому тишина между ними не была пустой. Она была наполнена теми мгновениями, из которых рождалась жизнь. В ней был и первый крик, и первые шаги, и первые размолвки, ссоры и непонимание... Они прошли через столько совместных событий, что слова не могли передать всю гамму чувств, рожденных между сыном и отцом проживших вместе тяжелую жизнь.

- Когда в рейс, улым? – старик повернул к нему голову, настороженно прислушиваясь к ответу.

- Завтра, ата, – неожиданно для себя громко сказал Талгат, – в Москву.

Отец последнее время слышал все хуже, поэтому в общении с ним вся семья говорить старалась погромче, но в этот раз почему-то получилось чересчур...

Мама, отвлеклась от дел, подняла голову и вопросительно глянула на него – отец стал не только глуховат, но и очень обидчив.

- Не кричи на меня, – проворчал тот, – я все слышу...

Талгат с досадой поморщился. Как ни старайся, все равно – словно двигаешься по тонкому льду.

- Прости, ата. Я случайно, – примирительно пробурчал он и постарался сесть поудобнее, чувствуя ягодицами все неровности скамьи.

Опять помолчали.

Наконец, отец пожевал губами, отбросил полу халата и достал из кармана штанов старый кисет. Отломив маленький кусочек от большого куска насвая закинул его за нижнюю губу. Сплюнул под ноги зеленую слюну.

- Аллах ведаёт, когда я уйду, сынок, - нахмурил он брови и ухватил посох покрепче, - знаю одно – ты останешься за старшего...

Талгат тихо вздохнул. Снова эта старая песня.

- Не перечь мне! – отец, словно чувствуя его эмоцию, повернул к нему незрячее лицо, - сколько можно болтаться, улым? Здесь твой дом, здесь твоя семья... на кого останется это все, когда Аллах призовет мою душу?

Этот разговор начинался всегда, как только приходило время уходить в рейс. Уже много лет. Собираясь привычно перевести разговор в другое русло, он, неожиданно для себя, пристально взгляделся в лицо отца.

И вдруг, словно пелена схлынула с глаз, он увидел, как сдал тот за последний год.

Никогда он не был полным, всегда худощавый и юркий как ящерица, весельчак и озорник. Дедова домбра надолго не задерживалась на специальном гвозде в стене спальни. Любой праздник не обходился без озорных частушек веселого Аблая-балагура. Острога на язык, но доброго и отзывчивого в душе.

Что теперь осталось от того человека? Талгат сглотнул и отвел глаза.

Глубокий старик в дряхлом теле, доживающий свой долгий век... в теле, которое потихоньку предавало хозяина. Сначала глаза, потом ноги, а теперь, как мама рассказывала – тяжелый кашель терзал его по ночам. Районный доктор пожимал плечами – возраст и тяжелый труд в колхозе, что вы хотите...

То, что отец и вправду готовится уходить, Талгат понял сразу. Понимание пришло и осталось смердеть грязной лужей в душе. Стало невыносимо тоскливо.

О, Аллах, дай нам терпение... Как коротка, и как длинна эта жизнь - не успеешь оглянуться, а она уже утекла в бездну. Вроде и пожил, а вспомнить нечего - годы пролетают огненным метеором, оставляя только шрамы на теле и раны в душе.

Он вздохнул и посмотрел на свои кисти. Пигментные пятна уже поместили кожу меткой неминуемого конца. Неожиданно вспомнилось, как уходил дедушка... Долго и тяжело.

Внезапно для себя, Талгат взял сухую кисть отца и прижал к своей щеке.

- Это в последний раз, ата... клянусь!

Отец помолчал несколько секунд и провел другой ладошкой по голове Талгата.

- Жаксы, улым... я тебя дождусь.

Талгат тихо, что бы не услышал отец, вздохнул. Потом медленно встал, отпустил его руку и с тоской заглянул за забор.

Лобастая кабина МАЗ-504 устало отражала закатный свет. Машина, без полуприцепа, стояла на специально отсыпанной площадке возле пруда, незатейливо сообщая всем желающим его профессию.

Один из лучших водителей «Совтрансавто», шутка ли...

Ему, чуть ли не единственному шоферу в джамбульском управлении, позволялось, между рейсами добираться до дома на тягаче. От Джамбула езды было пару часов на автобусе, но руководство позволяло ему такой вот бакшиш. Ценило, однако.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.